

АКУЛЬКИНА
Вагвоа

Юлия Сергеева

Юлия Серьга

Акулькина свадьба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69728143

SelfPub; 2023

Аннотация

Всё так закрутилось! Я влюбилась в Петра, и хотела выйти за него замуж. В процессе подготовки к свадьбе, когда чувства уже поутихли, я внезапно поняла, что замуж я уже не хочу. Но сказать всем, что я передумала, я тоже не могу, – родственники, да и друзья на смех поднимут. И когда я уже почти решила принести себя в жертву обстоятельствам, и назло всем врагам выйти замуж, мироздание решило меня научить (или проучить), отправив в 19 век в глухую деревню в тело немой Акулины.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32

Юлия Серьга

Акулькина свадьба

Глава 1

Я шла по улице, не замечая буйства красок осенней природы и думала о своей дальнейшей жизни. Я через месяц выхожу замуж, но я не уверена, что я хочу туда. Мой жених сделал мне предложение только потому, что хотел затащить меня в постель, а я думала в тот момент только о каких-то высоких чувствах, о том, что я теперь взрослая и уже почти замужняя женщина, и должна ему эту постель. Именно так – должна!

Чуть позже, после того как у моего жениха голод по женскому телу схлынул, пришли вопросы более насущные. А именно, как я буду жить и на что, если я только закончила кулинарный колледж, и собираюсь искать работу, живу с мамой. Жених же мой, Пётр, и вовсе не закончил ещё ПТУ на электрика, ибо поступил учиться туда уже третий раз.

Мама на мои желания быстрее выйти замуж за любимого отреагировала очень спокойно. Только спросила, – Алинка, а ты уверена, что это именно тот самый любимый и единственный, на всю жизнь.

Я, ошалевшая от поцелуев и объятий, сияя от счастья за-

веряла маму, что да, это именно так.

Мама сняла отложенные, ею же, за всю мою жизнь деньги со своего счета, и сказала – Готовься к свадьбе!

Мы купили белое платье, которое выгодно подчёркивало мою фигуру, купили к платью бельё, фату и белоснежные туфли лодочки. Мне тогда казалось, что я счастливее всех на белом свете.

За месяц до свадьбы ситуация изменилась.

Пётр засел за онлайн игры, и если раньше мы проводили время гуляя вместе по лесу за ручку, то сейчас я максимум сидела по левую руку от него и смотрела по экрану монитора бесконечные бои в преисподне.

Сидеть по левую руку было безопаснее, Петя не совсем себя контролировал во время боёв и мог иногда ударить воображаемого врага не кнопками на джойстике, а кулачищем. О чем свидетельствовали многочисленные вмятины на столе, стене и даже системном блоке.

Я постепенно сопоставляла свою жизнь, с жизнью жениха и понимала, что мы из разных миров. Если я понимала, что семейная жизнь – это не белые единороги в розовых пачках, то Петенька считал, что он перейдёт от мамы, к другой такой же женщине, только с прекрасным бонусом в виде совместных ночей. А я была пока не готова становиться мамой кого бы то ни было. Двадцать лет – это не тот возраст, чтобы усыновить половозрелую особь *мужеского* пола.

В тот день я шла по улице, переходила дорогу и думала о

том, что я попала в тупик, и теперь проще выйти замуж за этого игруна и делать вид, что я такая дурочка, которая даже не увидела в женихе всё то, о чем мне талдычили родственники, да и подруги тоже, но наперекор всем счастлива, чем отказаться и пожинать плоды своей трусости, объясняя, что я сначала подумала, а потом передумала. Да, я же не трус! Я выйду замуж и буду счастлива наперекор всем, пускай завидуют моему счастью!

Я постепенно накрутила себя до состояния отчаяния, когда иррациональный страх какой-то необратимости происходящего затопил меня на секунду, в результате от нахлынувших эмоций, я прикрыла глаза, а когда их открыла, все осенние прелести благоустроенной жизни исчезли, а их место заняла глухая деревня с бездорожьем, и размазанной жирной грязью в тех местах, где люди должны ходить по дорогам.

Я как была в чёрной болоньевой куртке, и широких чёрных брюках, так и осталась стоять на островке грязи посередине дороги в центре огромной лужи.

Глава 2

– Акулинаа, девка ты растреклятая, а ну иди за скотиною навоз греби! И во что ты вырядилась, убогая, кто тебе эти тряпки скинул? Быстро пошла переоделась в нормальную одежду, я сказала. Я тебе не мать! Я тебя живо выучу как вести себя у меня в доме.

Я огляделась в поисках той самой Акулины, но не обнаружила на улице какой-то незнакомой деревни ровным счётом никого, кроме бегущей в мою сторону старухи с хворостиной.

Бабка с перекошенным от гнева лицом, вбежала на полном ходу в лужу, поскользнулась и со всего маху рухнула в самую глубокую её часть. Я ещё некоторое время постояла, посмотрела как волны переливаются через верх моих сапог, но чуть позже, по гневным речам старухи я поняла, что обращается она ко мне, и хворостина, которой продолжала размахивать женщина барахтаясь в луже, тоже приготовлена для меня.

Ровно на этом месте, я со всей дури рванула по улице прочь от старухи, мечтая оказаться снова на чистеньком асфальте родного поселка и своей улицы Ленина.

Я бежала молча и сосредоточенно, правда ноги мои оказались слабенькими, еле-еле переставлялись, сзади старуха уже почти догоняла меня. И меня удивило, что в зоне види-

мости не было ни единого автомобиля, все заборы были деревянными, и даже проводов и газовых труб не было видно.

Я отвлеклась и не увидела сразу, что навстречу едет карета запряженная тройкой лошадей, старуха уже почти догоняя меня заметалась по дороге и шмыгнула в чей-то стог сена. Я же на адреналине пробегая мимо кареты услышала зычный мужской голос:

– А ну стой, дура! – высунулся мужик в окно без стекла и уставился на меня.

Впереди, на козлах сидел одетый победнее мужичок, и поигрывал длинным хлыстом.

Я, осознав, что мужик с хлыстом – это не старуха с хворостиной, испуганно остановилась и молча уставилась на хозяина кареты.

– Ты пошто зенки-то вылупила, глупая?! – мужик снисходительно смотрел на меня. – Как звать-то тебя?! Иль ты немая?

– Акулина её звать, барин! – Старуха запыхавшись подбежала, и огрела меня хворостиной по спине. Я съежилась, но промолчала.

– Чья ты?! – снова обращаясь ко мне, спросил барин.

Я бы и рада была поговорить с добрым человеком, но совершенно не знала, ни кто я, ни где я. И если я сейчас скажу, что я живу в районном посёлке на улице Ленина, мужик просто меня не поймёт, а не дай Всевышний, ещё и выпороть прикажет.

– Да ничья она барин, сирота, вот кормлю и воспитываю несчастную. Дура она с рождения у нас, немая, – старуха нацепила на лицо маску сострадания и смирения, но даже по виду я могла бы сказать, что она не обладает ни одним, ни другим таким качеством.

– Смотрю я на тебя, Акулина, и понимаю, что выглядишь ты ни как девка, что при полном довольствии живёт у мачехи, а еле-еле душонка в теле держиться, какая-то ты жёлтая и худая. А уж шмотье на тебе и вовсе мужицкое какое-то. Сколько тебе лет, убогая?!

Я попыталась открыть рот, но всё, что смогла оттуда выдать – это горловой звук, похожий на мычание, который меня напугал ещё сильнее, чем барина.

– Не знает она о годах своих, и мне не младенцем досталась, – проговорила старуха склонившись.

Барин же глядя на моё лицо все больше скатывающееся в отчаяние вдруг проговорил, – Замуж тебе надо! У тебя есть приданое?!

Я обернулась к старухе, та ненавидящим взглядом, готовым прожечь дыру во мне по центру, сказала:

– Есть, батюшка, вышитый рушник, да накидка на подушку незаконченная. Не мастерица она у нас.

– Тогда вот тебе девка десять рублей, да чтобы в течение месяца свадьбу уже сыграла. А ты, старуха, чтобы отчиталась мне о предстоящем торжестве, да за десять рублей тоже, что и почем купила ей в приданое.

Барин залез обратно в карету и я услышала как он вполголоса говорит кому-то, – Ну вот, душу от грехов очистил и помог сиротке, теперь везение будет. Как и сказал батюшка.

Мы стояли посередине улицы, по колено в грязи. Старуха, в грязном сюртуке кое-как очищенном сеном, застыла в поклоне и одним глазом зыркала в сторону кареты, нервно сжимая деньги в кулаке.

Как только карета завернула за угол, она размахнулась и со всей дури огрела меня прямо по лицу хворостиной, и я ощутила, что в районе носа у меня появилась огромная царапина. От шока я застыла.

Старуха ещё пуще разозлилась, под нос себе пыхтя что-то о том, что барин теперь её накажет за порченный товар.

– Ну иди домой, дура, какой черт тебя послал бегать по улицам. И переоденься быстро. А то ещё сопливая замуж пойдёшь. Ух и дура ты пробитая.

Я подумала о том, что в теории убежать я всегда успею, но вот куда бежать по холодной грязи в совершенно незнакомой деревне я не знала.

Значит надо пойти с этой женщиной, переодеться в сухое и понять где я, и кто я. Телефон можно будет попросить и позвонить Пете, или маме, наверное, лучше. Может это вообще сон – я поморщилась и ощутила, как снова закровоточила царапина на лице. Не очень-то похоже на сон.

Старуха схватила меня, всё ещё стоящую посередине дороги, за шиворот и в прямом смысле потащила домой.

Глава 3

Зайдя в сени она крикнула: – Мавра, а ну иди забери Акульку. Эта дура выбежала на дорогу прямо под колёса бабрину, и теперь он велел выдать её замуж. А кому она такая убогая нужна, будем думать, что же делать...

Мавра, дородная женщина средних лет в цветастом платье и грязном переднике, схватила меня так же за шиворот, швырнула за печку, шепнула, что одежда и ужин в старом кувшине припрятаны.

– И оставь её сегодня без ужина, меньше бегать будет по дорогам, – проорала старуха и вышла.

Я забилась в самый дальний и тёмный, зато очень тёплый угол за печкой и стала думать о том, что только часа три назад я думала о своём нелёгком будущем с неприглядным женихом, сейчас же мысли о женихах отошли далеко-далеко на второй план и уже полезли мысли о том, что мне делать в этом странном мире, будучи немой. Когда я пыталась произнести хоть какое-то слово, горло как будто пронзали тысячи игл, тогда я прекращала это делать, и слезы текли от боли.

Вечером за печку зашла Мавра, молча и довольно бесцеремонно схватила меня за руку, и выволокла из-за печки.

– Ты чем занималась весь день, почему не переделалась? Ты хотя бы ела?

Я молча кивала головой, что отвечать этой, вроде, доброй

на вид, женщине, я совершенно не знала, да и боялась повторения мычания. Лучше голосовые связки поберегу, может болезнь это, ларингит, например.

На следующий день Мавра, снова абсолютно без слов, бесцеремонно выволокла из тёплого угла за печью и заставила чистить картошку. Много картошки. Возможно здесь большая семья, а может животных кормят картошкой, хотя чистят ли её для животных.

Далее выгнали пасти гусей. Я как могла мычала и махала руками, чем вывела Мавру из себя.

– Девка, ты становишься дурнее день ото дня. Что же ты, как дура, руками машешь?! Не пойму я, что тебе нужно.

Тогда я подвела Мавру к пыли, и пальцем написала два слова, – куда идти?

Мавра испуганно посмотрела на меня, быстро затерла написанное, и сказала, – Куда обычно ходишь, иди до конца улицы на речку. А ты оказывается грамоте научена, но откуда?! Кто тебя грамоте учил?

Я не зная, что сказать, помычала и руками помахала. Схватила хворостину и погнала гусей по улице.

Мавра глядя на меня, неодобрительно покачала головой. Ближе к вечеру когда я окончательно околела у речки, увидела, что старуха несётся ко мне размахивая веником.

– Иди ж ты окаянная в дом. Что же ты, дура, тут на ветру торчишь, простынешь же. Да вот как же я тебя замуж-то пристрою, дуру-то такую.

Я схватила хворостину и погнала гусей обратно, но если гуси к воде бежали споро, то обратно они ни в какую не хотели. Я бестолково бегала с одного берега на другой, а старуха стояла на дороге и злилась.

– Иди в дом уже, Мавра тебя умоет. Свататься пришли к тебе.

Я, видимо, заметно изменилась в лице, на что бабка молётно прижала меня к себе и сказала: – Ну, ну. Хоть и дура ты, девка, а время пришло тебе. Хотела я тебя при себе подольше подержать, может хоть разговаривать бы научилась, но нет. Не судьба тебе при мачехе на довольствии и всём готовом пожить, надо идти в замуж прислуживать.

Я наклонила голову и побрела в сторону дома, бабка же проводила меня взглядом и прикрикнула, чтобы поторопилась. А потом уже только слышно было, как она гусей собирает, а те её даже слушаются.

Я попыталась войти в дом, как Мавра меня на ходу поймала и потащила в корыто умывать. Щедро зачерпывая ледяную воду огромной ручищей она размазывала по моему лицу видимо пыль и грязь, я от стресса даже ни разу не задумалась, что у меня на лице творится. Ледяная вода так же щедро затекала мне за шиворот и уже почти долилась до пояса, как Мавра все так же рывком поставила меня на ноги и потащила через заднюю дверь в дом. Там споро меня раздела догола, и цокая неодобрительно языком начала на меня надевать чистую одежду. Нижняя короткая майка, верхняя

длинная майка, сарафан и передник, на ноги полагались панталоны, и чулки с веревками. Я глядя на эти чулки не сразу сообразила как их пристроить, чтобы они свалились хотя бы не сразу с моих тощих ног. Мавра уже даже не удивляясь, наклонилась и ловко привязала их к трусам.

– А я бы и не догадалась, – подумала я.

– Там сидит единственный подходящий мужик для тебя со всего села, – вдруг на ухо мне жарко зашептала Мавра, – Ты сделай вид, что ты умная и все понимаешь. Мужик он пьющий, но мучать тебя не станет, я знаю, мне его тётка сказала. Если поняла меня сейчас, кивни!

Я закивала головой, прекрасно понимая, что будет происходить и возможно после вот этого торжества мне и надо бежать. Здесь хотя бы двери на ночь изнутри не закрывают, а вдруг меня в новом доме этот муж наручниками к батарее пристегнет.

Вышли мы с Маврой в светлую большую комнату и я увидела пьющего мужика средних лет, он был даже немного похож на Петю – белобрысый и костлявый.

Когда прототип Пети открыл рот, я была неприятно поражена высоким голосом, как у девчонки. Но кто я такая, чтобы рассуждать о чужих голосах не имея своего.

Старуха-мачеха уже была тут и сладким голосом рассказывала, какая я хорошая, да пригожая. И гусей-то пасти умею, и картошку чищу. Вот даже рушничок вышила на досуге, мастерица какая.

– Не говорит только она у нас, по малолетству напугал ее сильно бык, боднул и перекинул через себя, с тех пор вот молчит девка. Но голова не пострадала, соображает. Акулька кивни если поняла, о чем я тут разговоры веду.

Я улыбнулась подурнее, и кивнула.

Улыбка у жениха медленно сползла с лица, а ее место заняло отвращение.

Я сидела и радовалась, что не захочет он меня такую брать, и я не хочу!

Тетка, что сидела при нем, тоже нахмурилась и обратилась ко мне:

– Акулька, ну-ка покажи сколько будет яблок если к одному яблоку положить еще одно яблоко. Мои пальцы против моей воли сложились в козу, а тетка увидев это улыбнулась и сказала:

– Девка не безнадежна, берем. Мне помощница по дому сильно нужна!

Глава 4

Свадьбу решили надолго не откладывать и в ближайшее воскресенье на службе и поженить. Венчание состоится послезавтра.

Я решила завтра с утра сделать вид, что пасу гусей и убежать хотя бы на край деревни осмотреться, может это деревня такая староверов, а дальше асфальтированная дорога и автомобили ездят как в нормальном мире, тогда я попрошусь довезти меня до моего районного центра, а мама заплатит.

С утра я снова начистила ведро картошки и замесила ведро теста, после чего Мавра меня отправила пасти гусей, при этом шепнула, чтобы я не показывала, что грамотная, опасно это.

Гуси быстренько побежали к воде, а я огородами в сторону предполагаемого въезда. Деревня была большая, а я все бежала и бежала. Пробежала мимо пастушка, который задорно крикнул, – Привет, Акула-дура! Куда бежишь, вот я мачехе твоей-то всё расскажу.

– Не больно-то мы и боимся твоих старух, – хотелось мне крикнуть, но я только промычала в ответ.

Я бежала и бежала, и наконец дома стали рядеть, а дорога становилась уже. Когда я выбежала за последний дом, за-

росшая травой дорога уводила в лес, и в асфальт даже не думала превращаться. Что же делать, бежать в другую сторону я уже не успею вернуться, искать будут, а здесь может быть тупиковый конец.

Я со всех своих сил побежала обратно к гусям, но получилось у меня это еще хуже и медленнее. Видимо в этом мире Акулина все-таки плохо питается, ручки и ножки как спички, и устает еще не начав двигаться.

Кое-как прибежав к реке, я, глядя на свое стадо гусей прислонилась к дереву, и уснула.

Зычный голос старухи разбудил меня безо всякой жалости к уставшему человеку.

– Акулька, Акулькааа, а ну иди домой. Пасет она гусей. Чем ты ночами занимаешься, раз так устаешь – то. Вот отдам тебя завтра и никто даже не пожалеет там, работать будешь как все.

Я испугавшись, подскочила и чтобы не досталось хворостиной, оббежала мачеху по широкому кругу и пошла домой.

Тяжелые мысли продолжали лезть в голову. Где я, кто я, как я здесь оказалась и как попасть обратно к моей ненаглядной и доброй мамочке. Как же мне хорошо жилось, и главное сытно. Все мои проблемы оказывается и не стоят ничего. Здесь же совершенно непонятно, бежать мне из деревни, или выходить замуж за Петруху, и самый главный вопрос, смогу ли я выжить одна, если за деревней ничего нет обитаемого

в шаговой доступности. Если бы я хотя бы могла спросить у людей, где я нахожусь, какой же всё таки бесценный дар есть у человека, возможность говорить.

День подошёл к концу, а по тёмному уже Мавра загнала меня в баню. Расчесала и натерла голову какой-то травой, меня саму отхлестала веником и велела тщательно мыться, моя природная стыдливость была задавлена на корню напором этой дородной женщины.

После банных процедур, Мавра опять без слов потащила меня к лавке, на которой было постелено, видимо так она ускоряла моё перемещение не отвлекаясь на переговоры.

– Сегодня спи тут, ибо за печкой вымажешься вся, – сказала она и ушла.

– Если мне бежать, то надо это делать сейчас, – думала я.

Подошла к двери, подергала, открыто. Выглянула с мокрой головой на улицу и обнаружила, что пошёл первый снег. Весь двор покрылся белым, мокрым снегом, а вещей тёплых у меня нет совсем. Даже куртка моя на синтепоне куда-то пропала.

Я вздохнула и зашла обратно, легла на лавку, и стала думать. – Какая же я рохля, ни там, ни тут я не могу за себя постоять, и дома хотя бы я разговаривать умею, здесь же я на одном уровне с гусями. Они гогочут, и я им в ответ. Будь что будет, если будет совсем плохо, я и от мужа сбегу. Здесь у меня паспорта всё равно нет, я могу и замуж выйти, терять мне нечего. Глаза закрылись и я уснула. Всю ночь снились

гуси, язык которых я начала понимать, но только ничего умного они не говорили. Только кто где ел, и кто кого ущипнул.

На следующее утро, ещё до зари меня разбудила Мавра, подняла и начала наряжать. Сменила мне всё нижнее бельё, и надела вышитую майку. А сверху неё расшитое вышивкой и кружевами белое платье.

– Нравится?! – спросила Мавра.

Я интенсивно закивала.

– Скажи “спасибо” мачехе, любит она тебя. Красивое платье сшила, хотя её никто не осудил бы, наряди она тебя в платье попроще.

Мавра выдала мне новые сапоги, и накинула сверху тёплый тулуп.

– Старуха у нас с тобой на самом деле добрая, ты не думай ничего. Видишь, как барыню тебя одела. Вышивку всю ночь тебе к платью пришивала, пока ты спала. – Мавра казалось уговаривает саму себя, что мачеха очень добрая и заботливая, а я была слишком испугана, чтобы хоть что-то осознать.

Дальше мы с Маврой и старухой пошли в церковь, где собрались какие-то, незнакомые мне люди. Кто-то плакал, кто-то крестился, а кто-то показывая на меня пальцем, шептался. Услышала как неподалёку мужской голос сказал про дурю и как Петрухе не повезло, но женский голос в ответ резонно заметил, может это Акульке не повезло, жених-то из

немошных.

Меня же больше всего заботило как и куда отсюда бежать. Я в этом средневековом месте жить не могу, я хочу домой. Пускай даже в невесты к моему Петру, тот мне уже казался не таким страшным, как этот. Того, моего, по крайней мере я уже знаю.

Мы встали у алтаря и священник сначала читал что-то божественное вполголоса, а затем спел несколько божественных песен. И, наконец, сказал, что обвенчал Петра Веселова и Акулину Сироту 8 ноября 1845 года от Рождества Христова.

Вот тут-то я чуть не села. Жених в этот момент обеспокоенно меня держал за руку, и с тревогой смотрел мне в лицо.

Глава 5

Сначала мне показалось, что я ослышалась, и батюшка сказал две тысячи двадцать третьего года... но неет, ничего подобного. Меня потом заставили поставить крестик. И я успела прочесть, что и остальные регистрации в этой книге записей бракосочетания также были датированы тысяча восемьсот сороковыми годами. Мамочки, как же так, я же абсолютно точно знаю, что путешествие во времени невозможно. И вот я тут, в какой-то глухой деревне, название которой я даже не знаю. Я даже не представляю в какой губернии. Но чувствую где-то в Поволжье, север в ту пору не так обитаем был, да и в ноябре на севере уже снег лежит, а тут первый не так давно выпал.

Во время моих тяжких дум, меня поздравляли какие-то люди, плакали почему-то. Петруха все чаще стал заглядывать мне в лицо, и наконец, я подняла глаза и увидела, что мы уже пришли к неказистому домику, почти землянке.

А жених-то мой не богат.

Внутри домика было откровенно холодно, как впрочем и снаружи. Мужики вытащили стол и лавку из домика, кто-то принес свои столы и лавки. И понесли самые простые кушанья, некоторые из нашего дома, некоторые с других дворов. Пироги мясные, картошку отварную, тыква печеная, пироги сладкие, какие-то напитки в бутылках. Постоянно пелись

песни, сначала заунывные, потом с каждым выпитым бутылём все более веселые. Деревенский мужичок отбивал ритм ложками.

Я пыталась помочь всем этим людям поздравить меня убогую, таскала из угла в угол пироги, чистую и грязную деревянную посуду. Петруха практически сразу же напился этого мутного напитка из бутылей и уже со счастливой улыбкой пьяного идиота обнимал меня, он до ужаса в этом состоянии похож был на моего жениха Петю. И вот эти покачивающиеся объятия, и поцелуи с пьяного разбега, всё как у нас.

Приезжал с проверкой барин, и выгрузил в подарок мешок зерна и мешок картошки, сказал, что-то про голодных или голодранцев, выпил стакан мутной жидкости, и уехал.

Когда основная масса гостей разошлась, уже стемнело. Стол и лавки втаскивать домой пришлось мне с теткой Петрухи – Домной, мои тридцать пять килограмм живого веса не способствовали помощи, но кое-как втащили.

Мы с теткой растопили печь и стали жечь какие-то будыли старых сухих растений, стало немного теплее. Черный дым шел сразу же в комнату, но я так замерзла, что мне уже все равно было. За мойкой посуды тетка рассказала про добрый нрав по трезвому и агрессивный по пьяному у моего муженька. А вообще он безобидный, по совсем юной молодости напился и его какие-то незнакомые парни оскопили, с тех пор

у него очень высокий голос и в общем-то половая несостоятельность. Так и жил бы один, если бы вот мачеха твоя не предложила тебя к нам отдать. А мне так веселее, хоть ты и молчунья, но так лучше.

Мой сундук с приданным стоял в углу, надо будет заглянуть и туда.

Затем пришел мой, теперь уже, муж, схватил меня за шиворот, как Мавра, и потащил на кровать за занавеску. Я перепугалась так, что аж икать начала. А Петруха положил меня на кровать, снял сапоги, вытащил из-под меня одеяло, накинул сверху, лег рядом и обнял меня как котенка. Я ни жива ни мертва лежала тихо-тихо, чтобы не спровоцировать агрессивный нрав моего супруга.

Спустя время подошла тетка Домна и приподняв его руку, вытащила меня из под него. Я вздохнула с облегчением, жива, здорова, да и день прошел, а значит хорошо всё.

Я было сунулась за печку лечь спать, там я себя ощущаю максимально безопасно, но тетка меня поймала и постелила мне на одной из двух лавок. Так и уснули.

Глава 6

Утро в деревне начинается рано, я пошла на двор и заодно осмотрелась, был двор, были загоны, но не было скотины, ни одного гусика, ни одной курочки, ни тем более крупного скота. Наверное это плохо. Сунулась за хоздвор, а там была трава по пояс, стало понятно, что в этом году не садили ничего в огороде, а это значит, что еды-то не будет. Что же делать?! Заглянула в свой сундук, там еды не было, были только вещи и постельное бельё.

Тетка проснувшись полезла куда-то за печку и выудила оттуда горшок со вчерашней снедью, тем и позавтракали. Я же очень сильно хотела знать, чем мы будем питаться зимой, что мы будем каждый день есть, когда закончатся два мешка еды от барина.

Что за повторяющаяся ситуация в моей жизни, дома я рассуждала накануне, что выйдя замуж за Петю, мы будем голодать, ибо никто пока не работает из нас, здесь же меня даже никто не спросил, хочу я или не хочу замуж, отдали голодранцу и ладно.

Так прошло некоторое время, и все наши встречи с Петром были похожи на пришедшего хозяина кота домой, и сон в обнимку. Пока не пил, Петр в сарае из остатков каких-то деревяшек строгал ложки, а на выходных ходил их продавал, покупал на эти невеликие деньги самой простой еды на база-

ре. Я никогда не ела репу, а теперь даже не представляю, что может быть вкуснее, а еще отчетливо поняла, чем ты голоднее, тем еда вкуснее. Два мешка с едой приданного от барина мы берегли и ели только по праздникам. А именно пекли пироги с картошкой. И на базаре я каждый раз видела Домну торгующую пирогами с картошкой, и каждый раз она меня угощала досыта. Спасибо ей! Это и был мой рацион еды.

В один из вечеров Петруха не пришел ночевать, я ждала очень долго, уже стемнело, на дворе не было видно ни зги. Я же продолжала ждать своего хозяина, так и уснула сидя за столом. На следующий вечер ситуация повторилась, тогда тетка оделась потеплее и ушла. В эту пору снега было уже много, и дули сильные ветра с поземкой, холодно.

Пришла через несколько часов замерзшая и расстроенная. Оказалось Петруха в очередной раз напился, да и уснул у барина под забором, там же утром его и нашли уже закоченевшего. Вывезли за село да и прикопали в готовую яму с осени.

Вот теперь я испугалась уже по настоящему, Петра нет, ложки создавать и продавать некому, что же теперь делать. Я пошла к нему в сарай, и там нашла несколько штук вырезанных, но не обработанных ложек. Пришла тетка и мы совместными усилиями смогли их довести до ума. Значит пойдем в выходной на рынок, продадим ложки, да на неделю купим самой дешевой снеди.

Так мы и поступили. Пришли на рынок, заняли место, которое занимал обычно Петруха, оно было как раз на границе между пищевыми и хозяйственными рядами.

Села я торговать, вокруг сразу же набежали мальчишки и начали обзывать: – Акула-дура, за певуна замуж вышла, да и убила его.

Я смотрела на эти лица детей, в теплых вязаных шапчонках, и не понимала откуда столько жестокости может быть в маленьких человечках.

Ребятня сделали главное, своими обзывалками, они собрали вокруг меня народ, и я скорчив свою самую смиренную мордашку торговала чуть выше той цены, что сказала тетка. Продав, наконец, эти свои пять ложек, мне пришла в голову идея.

А что если купить рыбы, закоптить её и на завтра прийти продавать уже подороже в два раза, я на рынке в пределах доступного нигде не видела, чтобы продавали такое. Хотя торговец свежей рыбой стоял около меня.

Тетка уже видимо договорившись с продавцом репы о сходной цене на столь ценный корнеплод, потащила меня в другой ряд.

Но я уперлась и показала рукой на рыбу. Домна закатила глаза, и стала крутить пальцем у виска, повторяя, что зря она меня взяла, такую дуру еще поискать надо. Продавец смотрел на нас с улыбкой на лице, еще бы – бесплатная театральная постановка, Акула-дура в главной роли.

Я, наконец, создав своё самое злобное выражение лица, как могла показала, что деньги я не отдам, пошла прицениваться к рыбе. И оказалось, что рыба в 19 веке дорогим удовольствием была. За весьма худенькую рыбешку похожую на стерлядь, я отдала все мои деньги, торговец видя моё жалкое состояние, добавил от себя ещё малька какого-то.

Тётка увидев меня с двумя рыбешками очень расстроилась, и спросила, что я есть собираюсь вообще. Я как могла успокаивала её, мыча мелодию из спокойной ночи малыши.

Домна всплеснула руками и проговорила: – Делай с этой рыбиной, что хочешь, но дома я тебя кормить не стану. Ешь её всю неделю.

Я прижимая свою добычу прошла в сарай и стала думать, что мне такое поможет в создании коптильни. А пока пробравшись домой, вытащила у тётки из-под носа остатки соли. Тщательно намазала рыбу, и сложила в погреб от кошек.

Глава 7

В одном из сараев, раньше видимо скотина жила тут, стояла небольшая печка, вот тут-то я и попробую создать копильню.

Разожгла остатки дерева в зольнике, и когда дрова прогорели, я сверху разложила немного стружки от ложек и стала искать, что же сделать вместо решётки. Металла вокруг не было в свободном доступе, наверное он очень дорогой. Мне же главное, чтобы рыба и не сгорела, но и пропиталась ароматом дыма. Я на щепу положила какие-то металлические клещи, и сверху водрузила свои жалкие две рыбешки. Когда аромат превзошёл все мыслимые и немыслимые ожидания, я сняла рыбешек с клещей и мечтала прямо-таки вцепиться этой рыбине в хребет.

– Спокойно, Алина! Спокойно! Держи себя в руках, – проговорила я вполголоса и прямо там и села.

Я могу говорить! Я могу говорить, но не всегда и не при всех видимо. Завтра надо потренироваться при тётке. Мало ли, вдруг мой ларингит за месяц или два, что я тут живу, прошёл.

Следующего утра я ждала с нетерпением. Рыбехи дожидались меня в погребе, но и там я их многоступенчато спрятала, сначала в ту же бумагу, потом в корзинку, потом в ведро. Тётка откровенно насмеялась глядя на меня.

Утром ни свет ни заря я побежала на рынок, но день уже был ни рыночный, и продавцов было мало, вчера все закупились.

Я постаралась максимально просто донести стоимость, если рыбина, что я купила стоила пятьдесят копеек, то стоимость такой же, но копчёной, стоила уже рубль. А мелкую я на пробу оставляю.

Я разломил мелкую и стала ждать. Люди с любопытством смотрели на жалкое нечто разложенное на масляной бумаге, и недоуменно глядя на меня уходили прочь.

Холодный ветер дул прямо в лицо, и моя радость по поводу удачной идеи очень даже преждевременна была. Мимо пробегали дети и ухватили половину мелкой рыбешки, слезы навернулись на глаза.

Торговец рыбой увидев это, подошёл:

– Моя рыбка?!

Я кивнула.

– Ты ее сварила?

Я покачала головой

– Пожарила?

Я снова покачала головой и помычала для убедительности. Оторвала кусочек получше ему и дала попробовать.

– Мм, мне нравится. Почему?

Я показала один палец.

– А не дорого, за рубль-то, ту же рыбу продавать.

– Я состряпала серьёзное лицо и покачала головой, типа

не дорого!

Торговец улыбнулся, дал мне рубль и забрал рыбину.

Я же на этот рубль прикупила теперь уже две рыбины, причём выбирала пожирнее. Торговец сказал, что даст три, если три еще я ему приготовлю. Я кивнула.

Когда я вернулась домой с шестью рыбинами тётка опешила.

Первое, что она сделала – это схватила веник и огрела меня по хребту с воплем, – где ты это украла?

Я отбивалась как могла, пыталась сказать, что не моя половина. Но при тётке, и в ажиотаже я могла только мычать.

Чуть позже Домна устала, присела и стала спрашивать.

– Ты украла эту рыбу?

Я отрицательно мотаю головой.

– Ты взяла её у торговца рыбой?

Я согласно киваю.

Ты её обещалась приготовить ему как вчера?

Я согласно киваю.

– Пошли, я помогать буду. Шесть рыбин, это не одна, – сказала Домна и пошла со мной в сарай.

Мы с тёткой набрали совсем уж по углам остатки дровяшек, в следующий раз придётся покупать дрова, а дрова стоили пятьдесят копеек вязанка, это нам ещё надо заработать их. И принялись за работу. К утру у нас лежали в рядок шесть очень аппетитно выглядящих длинноносых рыбок.

Придя на рынок, как и было обещано я отдала три штуки

торговцу, и он выставил их за один рубль пятьдесят копеек за фунт. Фунт, как я поняла, это примерно полкилограмма наших. И продавал он их не целыми рыбками, а кусочками, и пробовать давал. Когда рыбка у него закончилась, начали смотреть уже на мою. Я не могла себе позволить продавать по весу, у меня нет весов. Да и без обсуждения сложно продать весовой товар. Я просто поставила деревяшку на которой написала угольком палочку. Надеюсь не догадается никто, что я умею читать и писать.

К концу рабочего дня в моём кармане лежало целых три рубля, из которых пятьдесят копеек я потрачу на вязанку хороших дубовых дров, пятьдесят копеек я потрачу на простую еду нам с тёткой, и наконец два рубля я потрачу на свежую рыбу.

Тётку я отправила за едой, а сама прикупив вязанку дров отправилась домой. Иду, низко склонившись, всё-таки тяжело тащить вязанку с моим бараньим весом. Я шла, никого не трогала, и вдруг – вокруг меня лошадиные копыта, я лежу в грязи. Да что же такое-то, что за невезуха такая.

Глава 8

Я встала, смотрю, вокруг нет моих дров. Мне так обидно стало, что злые слезы хлынули из глаз. Сверху откуда-то слышался крик: – Девушка вы в порядке?!

Я сквозь слезы кричу: – Да конечно не в порядке, где мои дрова?!

Я открыла глаза и осмотрелась. Я в своей чёрной болоньевой куртке, и модных брюках с широкими штанинами, сижу в луже на проспекте перед автомобилем, а рядом обеспокоенно бегают мужчины и спрашивают: – Вы не пострадали? У вас всё хорошо?!

Я поняла, наконец, что я вернулась к себе домой и теперь всё будет точно хорошо.

– Всё будет замечательно, – говорю я вслух!

И удивилась, вернулся дар речи.

– Ангелы небесные, как жить-то хорошо, – заорала я на всю улицу. Редкие прохожие обернулись, и взлетела стайка воробьёв. Но мне было всё равно, я вскочила и побежала домой.

К маме я заявилась грязная, и мокрая, и она заохала, и заахала, пытаясь снять с меня мокрую одежду. Я, в этот момент, скороговоркой проговаривала ей свои планы на ближайший месяц.

– Мама, я отменю свадьбу, я позвоню всем прямо сейчас,

и тете Зине тоже, я скажу, что я ещё не готова к такому важному шагу!

На этом месте, мама начала ощупывать мне голову, обеспокоенно спрашивая не ударилась ли я случайно головой, пока падала в лужу.

Я же продолжила тараторить, что отменю все рестораны и тамаду, и фотографа, а деньги, которые верну с залога я потрачу на коптильню, которую поставлю у нас в сарае. Надо дров ещё купить, я сразу же вспомнила свою вязанку прекрасных дубовых чурбаков, и почти пожалела, что безвозвратно потеряла их.

Когда я закончила, мама села с широко открытыми глазами на диван, и стала задавать вопросы:

– Петя знает, что ты передумала выходить замуж?!

– Нет! – я отрицательно помотала головой.

– Ты ему когда скажешь?! – мама казалось теряет терпение.

– Да хоть сейчас! – Я ни капли не сомневалась в этом.

– Когда тебе эта мысль в голову пришла, ты же ушла из дома пару часов назад, и явно не собиралась расторгать торжество, – мама проговорила это вкрадчивым голосом, которым разговаривала с детьми, или душевнобольными.

– Я не пару часов назад ушла, точнее, наверное, пару часов назад. Мама, я же главное тебе не рассказала, я шла по улице, и провалилась в прошлое, в 1845 год, и мне пришлось там выживать. А ещё представляешь, меня там мачеха вы-

дала замуж за Петруху, он потом помер от пьянки, и мы с тёткой Домной начали коптить рыбу и продавать на рынке. А если здесь начать тоже самое, можно тоже коптить и продавать рыбу на рынке.

– Алина. Стоп, стоп, стоп. Какая рыба, причём тут рыба и твоя свадьба, перестань фантазировать, – мама казалось теряет терпение.

– Мама, я решила, что замуж я не пойду. Это не сиюминутное желание, это взвешенное решение, взвешенное мной, и моим личным опытом. А рыба это на ближайшее время моя работа. Не зря же я закончила кулинарный техникум. Я открою статус самозанятого, и вперёд. Буду коптить рыбу и через интернет продавать.

Мама сидела на диване, широко открыв глаза, и открывая рот, словно слова хотели покинуть её, но на лету передумывали.

– Алинка, но что же скажут тетя Зина из Нижневартовска, а тетя Света из Тольятти?! Они же подумают, что дурочка ты у меня! – и мама заплакала в отчаянии.

– Мама! Я лучше побуду немножко дурочкой, в глазах родственников, чем положу свою жизнь во имя возможного хорошего отношения родственников. Я не хочу замуж за Петю.

– Алинка, давай к доктору обратимся, он правда поможет, выпишет таблетки нам с тобой. Алин, давай?! – мама со сле-

зами в голосе почти кричала.

– Мама, не фантазируй. Всё будет хорошо, и не нужны нам никакие таблетки, – сказала я, и поняла, что теперь все будет по другому, но в любом случае хорошо!

А в это время, на широком подоконнике в их комнате, на фоне голых веток вишни, что от сильного ветра тревожно бились в стекло, сидел невидимый ангел и хлопая в ладоши, смеялся.

– Всё хорошо, – приговаривал он, – всё просто замечательно получилось. Теперь ветвь жизни рода Алины пойдёт в гору. Будет перспективная работа, будет переезд в город и красивая свадьба с любимым человеком. Теперь всё будет хо-ро-шо.